

УДК 343

С.Б. Россинский*

О СОБИРАНИИ, ФОРМИРОВАНИИ, ИССЛЕДОВАНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (ПРОДОЛЖАЯ ДЕЛО ПРОФЕССОРА С.А. ШЕЙФЕРА)

В настоящей статье в очередной раз предпринимается попытка рассмотрения структуры (этапов) уголовно-процессуального доказывания. Этим автор настоящей статьи пытается продолжить дело заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора С.А. Шейфера – одного из самых известных ученых в области теории и методологии процессуального доказывания, доказательственного права. Методологически отталкиваясь от современных подходов к понятию и сущности уголовно-процессуального доказывания, включающего познавательный, удостоверительный и аргументационный (логический) аспекты, автор приходит к выводу о необходимости дополнения его классической трехзвенной структуры «собирание – проверка – оценка» новыми элементами – формированием, исследованием и использованием доказательств.

Внесенные предложения, по мнению автора, позволят гармонизировать положения теории уголовно-процессуального доказывания и криминалистики, что позитивно скажется на дальнейшем совершенствовании законодательства, следственной и судебной практики.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное доказывание, собирание доказательств, формирование доказательств, исследование доказательств, проверка доказательств, использование доказательств.

Среди всего богатого и разностороннего научного наследия, которое оставил нам профессор Семен Абрамович Шейфер, особое место занимают его фундаментальные труды, связанные с теорией и методологией доказывания по уголовному делу, имеющего наряду с правовой природой весьма глубокие философские (гносеологические и формально-логические корни). Проявляя особый интерес к проблемам следственных и иных процессуальных действий как установленных законом способов доказывания, Семен Абрамович всегда утверждал, что эти проблемы наряду с другими аспектами доказательственной деятельности составляют «сердцевину» уголовного процесса и имеют место на всем его протяжении [1, с. 12].

Полностью разделяя подобные позиции, полагаем, что мы – друзья, ученики и последователи профессора С.А. Шейфера – в настоящее время просто обязаны продолжать начатое им дело, развивая и продвигая вперед доктринальные основы механизмов доказывания в уголовном судопроизводстве в целях дальнейшего развития процессуального законодательства и оптимизации судебно-следственной практики. Эти побуждения и обусловили подготовку и представление на строгий суд читателя настоящей статьи.

Однако хотелось обратить внимание, что не все изложенные в данной публикации идеи полностью согласуются с научными позициями, ранее выска-

зываемыми профессором С.А. Шейфером. В ходе работы над проблемами доказывания у нас возникли некоторые расхождения с мнением ученого. Более того, в последнее время мы были вынуждены частично пересмотреть свою прежнюю точку зрения по определенным вопросам, таким образом предприняв новую научную дискуссию. Поэтому, прекрасно понимая возможные обвинения, исходящие от некоторых коллег, в неуважении к памяти профессора С.А. Шейфера: «Мол, как не стало Семена Абрамовича, так все сразу бросились его критиковать», – спешу оговориться, что указанная научная полемика вызвана вовсе не обесцениванием памяти ученого и его идей. Наука, законодательство и правоприменительная практика продолжают развиваться, в связи с чем некоторые высказанные ранее позиции нуждаются в определенном переосмыслении, уточнении, корректировке. И это вполне нормально; без дискуссии нет движения вперед! Тем более что наши с С.А. Шейфером научные споры возникли еще при жизни ученого; мы даже успели бегло обсудить их в ходе нескольких последних встреч, и он весьма высоко оценил перспективность наших новых изысканий, ведущихся по проблемам собирания доказательств.

Итак, в настоящее время представляется весьма актуальным вопрос о структуре уголовно-процессуального доказывания. Современный законодатель (ст. 85 УПК РФ) предусматривает трехзвенную

* © Россинский С.Б., 2017

Россинский Сергей Борисович (s.rossinskiy@gmail.com), кафедра уголовно-процессуального права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

структуру доказывания, включающую собрание, проверку и оценку доказательств. Ранее аналогичная нормативная конструкция вытекала из содержания ст. 70–71 УПК РСФСР. Эта же позиция выражается и в большинстве современных научных работ по теории доказывания и доказательственному праву [2, с. 130; 3, с. 110; 4, с. 260]. Вместе с тем отдельные авторы пытались и продолжают предпринимать попытки представить структуру доказывания в несколько ином виде, в частности, дополнить процесс доказывания по уголовному делу выдвиганием и развитием версий [5, с. 8], выделить в качестве самостоятельного элемента процесса доказывания закрепление доказательств [6, с. 298; 7, с. 67–67], дополнить структуру доказывания еще одним элементом – обоснованием выводов [5, с. 8; 8, с. 208].

Интересную позицию в данном вопросе занимает В.А. Лазарева, считающая все элементы процесса доказывания весьма условными процессуальными категориями, а дополнение традиционной трехзвенной структуры какими-то новыми элементами – делом вкуса того или иного ученого [9, с. 52–67]. Подобная точка зрения в определенной степени представляется весьма разумной ввиду того, что каждый автор, пытающийся внести свой посильный вклад в изучение и развитие структуры доказывания по уголовному делу, исходит из собственного понимания сущности этого сложного правоприменительного процесса, по поводу которой до сих пор не существует единой позиции ни на доктринальном, ни на нормативном уровне.

Кстати, именно этим объясняется и закреплённая в ст. 85 УПК РФ трехзвенная структура процесса доказывания: собрание – проверка – оценка. Ведь, как известно, действующий Кодекс впитал в себя положения разработанной во второй половине XX века информационной теории доказательств, понимающей под доказательствами сведения (информацию) и поэтому как бы увязывающей доказывание исключительно с познавательной деятельностью (С.А. Голунский, В.Я. Дорохов, Л.М. Карнеева, Л.Д. Кокорев и многие другие ученые). Как справедливо отмечал Ю.К. Орлов, основным недостатком информационной теории доказательств является полное игнорирование логической основы, отрицание роли доказательственных фактов и сведение всего доказывания исключительно к информационному процессу [3, с. 62]. Поэтому применительно к такому подходу формула «собрание – проверка – оценка» вполне обоснована.

Однако в настоящее время в уголовно-процессуальной доктрине существуют и принципиально иные подходы к сущности уголовно-процессуального доказывания. В частности, ученые, преклоняющиеся перед прагматичной англосаксонской процессуальной доктриной (С.А. Пашин, В.В. Золотых и др.), основное внимание сосредотачивают не на гносеологической, а на формальной (процедурной) составляющей доказывания, делая упор на правила

их собрания (формирования). В таком контексте важнейшим элементом доказывания становится их закрепление в материалах уголовного дела (процессуальное оформление).

Еще одна существующая в настоящее время концепция вообще разводит познание и доказывание как гетерогенные категории. Она получила наибольшее развитие в связи с переходом отечественного уголовного судопроизводства к состязательным механизмам, сопровождающимся отказом от целого ряда постулатов советской процессуальной науки. Ее представители указывают, что доказыванием следует считать только процесс формирования и изложения различных доводов и аргументов сторонами, позволяющих обосновать правильность своей позиции перед субъектом правоприменения, то есть сугубо логические операции, в ходе которых обосновывается истинность определенных суждений [10, с. 14–15; 11, с. 220–221]. Применительно к такому пониманию доказывания логическое обоснование выводов является если не единственным, то, по крайней мере, важнейшим и необходимым элементом его структуры.

В своих работах мы придерживаемся более комплексных подходов к сущности доказывания, предполагающих определенное и разумное сочетание познавательных, удостоверительных и аргументационных приемов в деятельности как суда, так и сторон [12, с. 50–51]. На наш взгляд, уголовно-процессуальное доказывание не следует как полностью отождествлять, так и гетерогенно разводить с познавательной деятельностью, поскольку в первом случае оно лишается своей логической основы, а во втором – гносеологического фундамента, на котором и строятся все доводы и аргументы соответствующих субъектов. Кстати, подобные или близкие по смыслу позиции ранее уже высказывались целым рядом специалистов [13, с. 299; 6, с. 288–289; 14, с. 12; 15, с. 21]. Среди современных ученых такие взгляды разделяли С.А. Шейфер (он писал о доказывании в широком и узком смысле) и Ю.К. Орлов [16, с. 17; 3, с. 32–33]; их же придерживаются А.А. Леви [17, с. 259–260] и Л.М. Володина [18, с. 219].

Доказывание в уголовном судопроизводстве целесообразно рассматривать как сложный, многоаспектный процесс, состоящий в познании обстоятельств уголовного дела, в их удостоверении (процессуальном оформлении) и в логическом обосновании данными обстоятельствами правоприменительных решений (познавательный, удостоверительный и логический аспекты доказывания). Под таким углом зрения и структура процесса доказывания также должна включать в себя различные элементы, присущие как информационному, так и другим подходам к теории доказательств и доказательственному праву: собрание, закрепление, проверку, оценку, логическое обоснование и т. д. Останемся на некоторых из них более подробно.

Так, собрание доказательств – это начальный элемент доказывания, свойственный для познава-

тельной и удостоверительной деятельности дознавателя, следователя, суда, который заключается в обнаружении, восприятии и фиксации в установленном законом порядке сведений, имеющих значение для уголовного дела. Собирание доказательств – это достаточно устоявшаяся доктринальная категория, которая ввиду прямого законодательного закрепления в качестве одного из элементов процесса доказывания активно поддерживается большинством ученых, посвятивших свои работы проблемам доказательственного права.

Однако наряду с этим в науке существует и другая, не менее авторитетная позиция, отождествляющая первый этап доказывания не с собиранием, а с формированием доказательств [19, с. 10; 20, с. 11; 21, с. 32]. В этой связи В.А. Семенцов даже предлагает внесение ряда коррективов в ст. 86 УПК РФ с изменением ее названия на «формирование доказательств» [22, с. 239]. В основе данного подхода лежит высказанный С.А. Шейфером в 1972 году научный тезис о том, что готовых доказательств, то есть показаний, заключений, протоколов и т. д., в природе не существует и существовать не может, что в объективной реальности имеет место лишь полезная информация, которой придается надлежащая процессуальная форма в ходе познавательной-удостоверительной деятельности субъектов доказывания, наделенных соответствующими полномочиями [23, с. 7, 15, 16]. Хотя при этом С.А. Шейфер и не мог претендовать на введение термина «формирование доказательств» в оборот уголовно-процессуальной науки, некоторыми учеными он использовался и ранее [24, с. 78; 25, с. 163; 26, с. 113].

Развивая свою позицию в последующих работах, С.А. Шейфер говорил о нецелесообразности упрощения категории «формирование доказательств» и увязывании ее исключительно с фиксацией полученной информации. Ученый полагал, что формирование доказательств – это весь процесс преобразования доказательственной информации в форму доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, включающий как познавательные (извлечение информации из следов), так и удостоверительные элементы (объективизация воспринятых сведений с помощью средств фиксации) [16, с. 78].

В недавнем прошлом, находясь под сильным влиянием научного авторитета С.А. Шейфера, мы также неоднократно высказывались в поддержку категории «формирование доказательств» как более логичной и отвечающей современным подходам к методологии процессуального доказывания [27, с. 86; 28, с. 84–85; 12, с. 126–127]. Однако наши дальнейшие исследования и рассуждения по данному вопросу привели к убеждению о некоторой ошибочности ранее высказываемых нами позиций и о необходимости частичного пересмотра отношения к категории «формирование доказательств» как к единственной процессуальной технологии, обе-

спечивающей появление доказательств в уголовном деле.

Дело в том, что позиция С.А. Шейфера и солидарных с ним ученых о необходимости преобразования полезной информации в форму доказательств (то есть об их формировании) посредством производства следственных и иных процессуальных действий вполне разумна, но лишь в части показаний, заключений эксперта и результатов (протоколов) «невербальных» следственных и судебных действий, то есть доказательств, обусловленных активным поведением органов предварительного расследования и суда. В ее обоснование ученый, собственно говоря, и приводит примеры формирования показаний, экспертных заключений и протоколов следственных действий [16, с. 33]. Вместе с тем уголовно-процессуальный закон предусматривает и другие виды доказательств: вещественные доказательства, иные документы, заключения специалиста. Они предстают перед дознавателем, следователем, судом уже в готовом, окончательном виде и никакому процессуальному формированию не подвергаются. На данную особенность (применительно к иным документам) обращалось внимание еще в фундаментальной работе «Теория доказательств в советском уголовном процессе» [6, с. 681]. В этой связи мы не можем согласиться с учеными, обосновывающими наличие специальных юрисдикционных процедур, направленных на формирование подобных доказательств и состоящих в их обнаружении, осмотре и приобщении к делу [8, с. 183; 3, с. 154–155; 2, с. 119–120]. Уважаемые авторы, видимо, просто не проводят методологического разграничения между вещественными доказательствами, иными документами и результатами следственных и судебных действий, направленных на их обнаружение, осмотр, исследование. Тем не менее критерии для такого разграничения вполне очевидны и заключаются в их гносеологической сущности. Вещественные доказательства, иные документы, заключения специалиста – это всего лишь предметы или документы как фрагменты объективной реальности. Они существуют сами по себе независимо от факта их обнаружения, восприятия, осмотра и т. д. По крайней мере, предусмотренные ч. 3 ст. 80, ст. 81 и 84 УПК РФ процессуальные гипотезы никоим образом не увязывают эти доказательства с какими-то специфическими местами их нахождения и т. д. Тогда как факты их обнаружения, осмотра и т. д. предполагают наличие пусть даже находящегося в тесной логической связи, но тем не менее другого доказательства – предусмотренного ст. 83 УПК РФ результата «невербального» следственного или судебного действия.

Рассматриваемые в процессуальной литературе процедуры по формированию вещественных доказательств, иных документов и т. д. представляются мнимыми, надуманными. Они являются не более чем «теоретическими фантомами» и этим мало чем отличаются от таких же мнимых механизмов фор-

мирования доказательств на основании результатов оперативно-розыскной или административной деятельности, о которых мы уже писали в других публикациях [29, с. 171–184]. В данном случае речь идет не столько о формировании доказательств, сколько об их процессуальной легализации, об их введении в уголовное дело посредством представления, истребования или изъятия как элемента некоторых следственных действий. Если подобные доказательства (например, иные документы, заключения специалиста) и «формируются», то за рамками уголовного судопроизводства вне установленного УПК РФ правового режима и без соответствующих процессуальных гарантий. И следовательно, применительно к ним более уместной является категория «собрание доказательств».

Таким образом, первый элемент доказывания может осуществляться посредством как собрания, так и формирования доказательств. Собрание выражается в процессуальной легализации доказательств, в их введении в уголовное дело; оно применимо к тем доказательствам, которые появляются в готовом виде или создаются за рамками уголовного судопроизводства, то есть к вещественным доказательствам, «иным» документам», заключениям специалиста. Собрание доказательств выражает исключительно достоверительный аспект доказывания.

В свою очередь, формирование доказательств заключается в предусмотренных УПК РФ процессуальных механизмах преобразования полезной информации в форму доказательств; оно применимо к различным видам показаний, результатам «невербальных» следственных и судебных действий и экспертным заключениям. Формирование доказательств выражает как познавательный, так и достоверительный аспекты доказывания.

Второй этап доказывания — это исследование доказательств. Оно заключается в познании дознавателем, следователем, судом и другими участниками уголовного судопроизводства формы и содержания полученных доказательств в целях извлечения полезной информации, необходимой для их дальнейшей проверки, оценки и использования в процессе доказывания. Таким образом, исследование доказательств выражает исключительно познавательный аспект доказывания.

Исследование доказательств — это фрагмент познавательной деятельности, который, к великому сожалению, не нашел отражения в предусмотренной ст. 85 УПК РФ трехзвенной структуре доказывания. Конечно, во многих ситуациях, возникающих в следственной и судебной практике, исследование доказательств осуществляется как бы одновременно с их сбором (формированием), в том числе в рамках какого-либо следственного или судебного действия. В ряде случаев (в особенности в ходе досудебного производства) эти этапы сильно переплетены между собой. Например, при осмотре места происшествия наряду с исследованием соответству-

ющих объектов, их признаков, свойств, состояния, взаиморасположения одновременно формируется и новое доказательство. Аналогичная ситуация складывается в ходе производства допроса, очной ставки, освидетельствования, следственного эксперимента, других следственных и судебных действий. Однако это вовсе не означает, что собрание (формирование) и исследование доказательств неразделимы и на теоретическом уровне. В гносеологическом контексте они существенно отличаются друг от друга и выступают самостоятельными элементами уголовно-процессуального познания. Кстати, в этой связи необходимо обратить внимание, что процессы проверки или оценки доказательств также нередко переплетены с механизмами их собрания (формирования) в единое целое, что не мешает законодателю признавать их отдельными этапами доказывания.

Анализируя вопросы исследования доказательств, Р.С. Белкин неоднократно отмечал, что оно (исследование) — частный случай познавательной деятельности [30, с. 135]. Он писал, что это познание следователем или судом содержания доказательств, проверка достоверности существования тех фактических данных, которые составляют содержание доказательств, установление согласованности данного доказательства со всеми остальными доказательствами [31, с. 48; 32, с. 195; 30, с. 136]. В свою очередь, В.П. Василенко писал, что исследование доказательств — это своеобразный процесс извлечения информации, содержащейся в доказательствах, и ее осмысления применительно к задачам уголовного судопроизводства. Он же указывал, что исследование является частью процесса доказывания по уголовному делу [33, с. 8–9]. Близкие по смыслу позиции в своих работах выдвигают и другие авторы.

Исследование доказательств — это такой же необходимый атрибут доказывания, как их собрание (формирование), проверка или оценка. А процессуальное познание — гораздо более широкая категория, чем она видится законодателю. Помимо собрания (формирования) и проверки новых доказательств, она охватывает и механизмы их полноценного исследования. В противном случае дознаватель, следователь и в особенности суд из полноценных субъектов доказывания превратились бы в неких «оформителей» предоставленных в их распоряжение материалов. Кстати, вполне возможно, что непризнание исследования доказательств самостоятельным структурным элементом доказывания является наследием советского уголовного процесса, который был ориентирован на приоритет досудебного производства и фактически делал из судей этих самых «оформителей». По крайней мере, ч. 1 ст. 70 УПК РСФСР не учитывала возможностей судебного исследования доказательств.

В этой связи весьма уместно предложение Н.И. Газетдинова о необходимости более конкретного закрепления в тексте закона положений, регламенти-

рующих не только собирание и оценку доказательств, но и их исследование [34, с. 367]. Кстати, подобные идеи уже получили воплощение в некоторых государствах на постсоветском пространстве. В частности, ст. 127 нового УПК Казахстана называется «Исследование доказательств». Она предполагает, что собранные по делу доказательства подлежат всестороннему и объективному исследованию, включающему анализ полученного доказательства, его сопоставление с другими доказательствами, собирание дополнительных доказательств, проверку источников получения доказательств.

Российский законодатель вспоминает про исследование доказательств лишь применительно к судебным стадиям уголовного судопроизводства. По смыслу ст. 274, 291 и 389.13 УПК РФ именно оно (исследование), а не собирание или формирование доказательств является основным содержанием судебного следствия как в первой, так и в апелляционной инстанциях. И подобная позиция разработчиков УПК РФ хотя и неверна, но вполне объяснима. Дело в том, что в отличие от досудебного производства судебное познание осуществляется в условиях состязательности, гласности и устности. Поэтому исследуемые материалы уголовного дела не могут быть просто прочитаны судьей («про себя»), а подлежат обязательному оглашению в зале судебного заседания. А это, в свою очередь, требует обязательной процессуальной регламентации и введения в предмет уголовно-процессуального регулирования соответствующих процедур, предусмотренных ст. 276, 281 и 285 УПК РФ.

Тогда как в ходе досудебного производства исследование доказательств, напротив, зачастую протекает камерально (кабинетно) без участия сторон и других присутствующих лиц, следовательно, не требует каких-либо правовых гарантий и не нуждается в установленной УПК РФ законодательной формализации. Поэтому далеко не все используемые в досудебном производстве познавательные приемы имеют процессуальную регламентацию. Существует множество иных гносеологических способов установления следователем или дознавателем обстоятельств уголовного дела, объективная необходимость и очевидность которых обусловлена как правоприменительной практикой, так и самим здравым смыслом. В частности, субъекты предварительного расследования обязательно должны исследовать путем личного ознакомления (прочтения) форму и содержание поступивших в их распоряжение заключений экспертов и специалистов, «иных» документов (справок, характеристик, выписок, актов ревизий, копий приговоров и т. д.), материалов оперативно-розыскной деятельности и других источников. Они же должны исследовать протоколы следственных действий, проведенных без их непосредственного участия (оперативными работниками или другими следователями и дознавателями). В противном случае они просто лишаются возможности оперирования данными до-

казательствами для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Кстати, в дальнейшем со всеми материалами уголовного дела должен ознакомиться и государственный обвинитель.

Но такие исследования не требуется связывать с каким-то следственным или иным процессуальным действием, сродни тому, как это происходит в судебном заседании. Законодательная формализация таких механизмов попросту лишена как высокого правового, так и практического смысла. Вряд ли будет целесообразным устанавливать какие-то специфические механизмы личного прочтения дознавателем или следователем материалов уголовного дела. Подобные процедуры вполне могут осуществляться и в свободном порядке, при этом вовсе не лишаясь познавательной направленности и не будучи исключенными из структуры уголовно-процессуального доказывания.

Ну и наконец, не стоит забывать о возможностях исследования доказательств заинтересованными участниками уголовного судопроизводства: подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим и т. д. Такие формы процессуального познания осуществляются посредством ознакомления с протоколами следственных действий, а по окончании предварительного расследования — со всеми материалами уголовного дела. Они позволяют указанным лицам занимать активную позицию на последующих этапах доказывания, в частности посредством изложения своих доводов и аргументов перед субъектом правоприменения.

Необходимо заострить внимание и на еще одном этапе доказывания — использовании доказательств, — заключающемся в обосновании надлежащим образом собранными (сформированными), исследованными, проверенными и оцененными доказательствами промежуточных и окончательных правоприменительных решений. Во время своего использования доказательства из сведений (то есть из информационных ресурсов), коими они являются согласно информационной теории, превращаются в логические аргументы, в основания для убеждения о правильности / неправильности выносимого решения. Именно такой подход к доказательствам выражали многие представители дореволюционной процессуальной школы [35, с. 52; 36, с. 5, 7; 37, с. 194], базировавшие свои позиции на господствовавших в то время постулатах формальной логики.

Исследование доказательств — это еще один фрагмент доказывания, который не находит отражения в предусмотренной современным законодательством трехзвенной структуре: собирание — проверка — оценка. Более того, само его существование обусловлено не столько процессуальной доктриной, сколько криминалистической наукой. В уголовно-процессуальной литературе этот вопрос исследован достаточно фрагментарно; как уже было отмечено выше, ученые-процессуалисты преимущественно именовали указанный этап обоснованием выводов,

логическим доказательством и логической стороной доказывания, отделяя его от процессуального доказывания.

При этом многие представители процессуальной науки вообще считают использование доказательств фрагментом их оценки, то есть как бы являются противниками дополнения структуры доказывания подобным элементом. Например, С.А. Шейфер, подвергая сомнению вышеизложенную позицию, прямо указывал, что обоснование выводов — это составная часть оценки доказательств. И, таким образом, выделение из классической трехзвенной формулы, равно как и противопоставление ей логической деятельности (оперирования аргументами), ученый считает безосновательным [16, с. 19].

Относясь с большим уважением к работам профессора С.А. Шейфера, мы тем не менее не можем согласиться с данной позицией и считаем ее следствием некоторого игнорирования логических основ доказывания. Ведь ни для кого не секрет, что эти проблемы, за редким исключением, традиционно рассматривались не в процессуальной, а в криминалистической литературе, в частности в работах А.А. Старченко, А.А. Эйсмана, А.А. Хмырова, А.В. Руденко и т. д.

Оценку доказательств никоим образом нельзя смешивать с их использованием, хотя в реальной практической деятельности эти процессы действительно связаны самым тесным образом и зачастую осуществляются совместно или параллельно друг другу. Вообще под оценкой понимается некое мнение, суждение о ценности, уровне, значении или качествах какого-либо объекта. Тогда как использование предполагает употребление данного объекта, извлечение из него полезных свойств с целью решения определенных задач.

Оценка доказательств позволяет лишь сделать вывод о доброкачественности отдельно взятого доказательства, его потенциальной пригодности для нужд уголовного судопроизводства или же о сформированности совокупности доказательств (достижении пределов доказывания) и ее потенциальной пригодности для принятия того или иного процессуального решения. Тогда как использование доказательств заключается в самом непосредственном построении логических связей между доказательствами (доказательственных цепочек), в построении на основании промежуточных фактов (в частности, косвенных доказательств) умозаключений о наличии или отсутствии главного факта и других обстоятельств, входящих в предмет доказывания, в аргументировании будущих правоприменительных решений, адресованном как самому себе (например, при мотивировке приговора, постановления, определения), так и другому субъекту (например, при заявлении ходатайства, при обжаловании, в ходе судебных прений и т. д.).

Различия оценки доказательств и их использования становятся очевидны при проведении некоей аналогии с

оценкой и использованием знаний, приобретенных человеком, например, в средней школе или вузе. Так, оценка знаний проводится посредством экзамена, позволяющего лишь определить потенциальную готовность школьника или студента к вступлению соответственно во взрослую жизнь или будущую профессию. Тогда как практическое использование приобретенных в школе или вузе знаний осуществляется не во время экзамена, а в процессе повседневной жизнедеятельности человека.

Оценку доказательств нельзя смешивать с их использованием и еще по целому ряду причин. В частности, использование доказательств предполагает лишь сугубо аргументационные операции, обосновывающие истинность определенных суждений и прагматичный здравый смысл. А в содержание оценки наряду с постулатами формальной логики включаются также правовые и общественно-нравственные ценности, такие как правосознание, понимание, правовая культура, совесть, ответственность, жизненный опыт и т. д. Кроме того, согласно находящимся в системном единстве положениям ст. 17 и 88 УПК РФ, правом оценки доказательств наделяются исключительно участники уголовного процесса, обладающие юрисдикционными полномочиями: суд, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель. Тогда как использование доказательств представляет собой деятельность, осуществляемую как субъектами уголовной юрисдикции при обосновании и мотивировании соответствующих правоприменительных решений, так и другими участниками со стороны обвинения и со стороны защиты: государственным или частным обвинителем, защитником, подозреваемым, обвиняемым (подсудимым), потерпевшим и т. д. Последние участвуют в механизмах использования доказательств посредством формулирования и изложения адресованных субъектам уголовной юрисдикции доводов и аргументов, позволяющих обосновать правильность своей позиции и тем самым повлиять на выносимое правоприменительное решение.

Таким образом, подводя итог изложенным в настоящей статье рассуждениям, мы приходим к выводу, что процесс доказывания по уголовному делу является более сложным структурным образованием, чем это представляется законодателю в ст. 85 УПК РФ. Доказывание состоит по крайней мере из пяти элементов: а) собирания (формирования) доказательств; б) исследования доказательств; в) проверки доказательств; г) оценки доказательств; д) использования доказательств. Подобная структура логично согласовывается с современными методологическими подходами к сущности доказывания, представляющего сложный комплексный процесс, предполагающий сочетание познавательных, удостоверяющих и аргументационных приемов, методологически основанных на доктринальных положениях правовой теории, научных подходах к гносеологии и формальной логике.

Библиографический список

1. Шейфер С.А. Собирание доказательств по уголовно-материальному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М.: Норма, 2015. 112 с.
2. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательств в уголовном процессе России. М.: Городец, 2008. 176 с.
3. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009. 175 с.
4. Зажицкий В.И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2015. 449 с.
5. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань: Казанский госуниверситет, 1976. 206 с.
6. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юр. лит., 1973. 736 с.
7. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург: ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2004. 298 с.
8. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1978. 303 с.
9. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебник. Изд. 5, испр. и перераб.. М.: Юрайт, 2014. 359 с.
10. Тагаров Л.А. Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д.: Ростовский юридический институт МВД России, 2007. 29 с.
11. Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): монография / под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. М.: Юрлитинформ, 2014. 392 с.
12. Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015. 525 с.
13. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 468 с.
14. Зеликсон Э.С. Доказывание как деятельность субъектов уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Алма-Ата: Казахский госуниверситет имени С.М. Кирова, 1973. 25 с.
15. Домбровский Р.Г. Познание и доказывание в расследовании преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев: Киевский госуниверситет имени Т.Г. Шевченко, 1990. 45 с.
16. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. 240 с.
17. Леви А.А. Избранные научные труды. М.: РУДН, 2012. 647 с.
18. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М.: ИГ «Юрист», 2006. 352 с.
19. Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном процессе. Киев: Вища школа, 1984. 134 с.
20. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Проспект, 2009. 282 с.
21. Зайцева Е.А., Садовский А.И. Формирование доказательств с использованием специальных познаний и научно-технических средств. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 292 с.
22. Семенцов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сборник научных трудов / под ред. В.А. Лазаревой. Самара: Самарский госуниверситет, 2010. С. 236–242.
23. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: ВЮЗИ, 1972. 130 с.
24. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: Саратовский госуниверситет, 1960. 106 с.
25. Курьяев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Белорусский госуниверситет имени В.И. Ленина, 1969. 202 с.
26. Дорохов В.Я. Понятие доказательств в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 108–117.
27. Россинский С.Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9. С. 16–19.
28. Россинский С.Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2015. 224 с.
29. Россинский С.Б. Использование результатов «невербальных» оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовному делу – объективная необходимость // Библиотека криминалиста. 2015. № 3(20). С. 171–184.
30. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 1. М.: Норма, 1997. 512 с.
31. Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966. 295 с.
32. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. М.: Юр. лит., 1969. 215 с.
33. Василенко В.П. Исследование доказательств на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия МВД СССР, 1978. 21 с.
34. Газетдинов Н.И. Реализация принципов уголовного судопроизводства. М.: Издательская группа «Юрист», 2007. 432 с.
35. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М.: ЛексЭст, 2001. 240 с.
36. Спасович В.Д. О теории судебного-уголовных доказательств в связи с судостроением и судопроизводством. М.: ЛексЭст, 2001. 112 с.
37. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996. 607 с.

References

1. Sheifer S.A. Sobiranie dokazatel'stv po ugovnomu delu: problemy zakonodatel'stva, teorii i praktiki [Collecting evidence in a criminal case: problems of legislation, theory and practice]. M.: Norma, 2015, 112 p. [in Russian].
2. Ulyanova L.T. Predmet dokazyvaniia i dokazatel'stva v ugovnom protsesse Rossii [The subject of proof and evidence in the criminal proceedings of Russia]. M.: Gorodets, 2008, 176 p. [in Russian].
3. Orlov Yu.K. Problemy teorii dokazatel'stv v ugovnom protsesse [Problems of the theory of evidence in the criminal process]. M.: Iurist», 2009, 175 p. [in Russian].
4. Zazhitskiy V.I. Dokazatel'stva i dokazyvanie po UPK RF [Evidence and proof of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. SPb.: Iuridicheskii tsentr-Press, 2015, 449 p. [in Russian].
5. Fatkullin F.N. Obshchie problemy protsessual'nogo dokazyvaniia. 2-e izd. [Common problems of procedural proof. 2nd edition]. Kazan: Kazanskii gosuniversitet, 1976, 206 p. [in Russian].
6. Teoriia dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse. Otv. red. N.V. Zhogin [Theory of evidence in the Soviet criminal trial. N.V. Zhogin (Ed.)]. M.: Iurid. lit., 1973, 736 p. [in Russian].
7. Balakshin V.S. Dokazatel'stva v teorii i praktike ugovno-protsessual'nogo dokazyvaniia [Evidence in the theory and practice of criminal procedural evidence]. Ekaterinburg: OOO «Izd-vo UMTs UPI», 2004, 298 p. [in Russian].
8. Gorsky G.F., Kokorev L.D., Elkind P.S. Problemy dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse [Problems of evidences in the Soviet criminal trial]. Voronezh: Voronezhskii gosuniversitet, 1978, 303 p. [in Russian].
9. Lazareva V.A. Dokazyvanie v ugovnom protsesse: uchebnik [Proof in criminal proceedings: teaching manual]. Izd. 5, ispr. i pererab. M.: Jurait, 2014, 359 p. [in Russian].
10. Tatarov L.A. Metodicheskie i metodologicheskie problemy dokazyvaniia obstoiatel'stv prestupleniia: avtoref. dis. ... k.i.u.n. [Procedural and methodological problems of proving the circumstances of the crime: author's abstract of Candidate's of Law thesis]. Rostov-on-Don: Rostovskii iuridicheskii institut MVD Rossii, 2007, 29 p. [in Russian].
11. Borulenkov Yu.P. Iuridicheskoe poznanie (nekotorye metodologicheskie, teoreticheskie i prakseologicheskie aspekty): monografiia. Pod nauch. red. prof. V.N. Kartashova [Legal knowledge (some methodological, theoretical and praxeological aspects): monograph. V.N. Kartashov (Ed.)]. M.: Iurlitinform, 2014, 392 p. [in Russian].
12. Rossinskiy S.B. Kontseptual'nye osnovy formirovaniia rezul'tatov «neverbal'nykh» sledstvennykh i sudebnykh deistvii v dokazyvanii po ugovnomu delu: dis. ... d.i.u.n. [Conceptual basis of the formation of results of «non-verbal» investigative and judicial actions in proving in a criminal case: Doctoral of Law thesis]. M.: Universitet imeni O.E. Kutafina (MGIuA), 2015, 525 p. [in Russian].
13. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovnogo protsesssa. T. 1 [Course of Soviet criminal process. Vol. 1]. M.: Nauka, 1968, 468 p. [in Russian].
14. Zelinkson E.S. Dokazyvanie kak deiatel'nost' sub'ektov ugovnogo sudoproizvodstva: avtoref. dis. ... d.i.u.n. [Proving as an activity of subjects of criminal proceedings: author's abstract of Doctoral of Law thesis]. Alma-Ata: Kazakhskii gosuniversitet imeni S.M. Kirova, 1973, 25 p. [in Russian].
15. Dombrovsky R.G. Poznanie i dokazyvanie v rassledovanii prestuplenii: avtoref. dis. ... d.i.u.n. [Cognition and proving in the investigation of crimes: author's abstract of Doctoral of Law thesis]. Kyiv: Kievskii gosuniversitet imeni T.G. Shevchenko, 1990, 45 p. [in Russian].
16. Sheifer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniia [Evidences and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. M.: Norma, 2008, 240 p. [in Russian].
17. Levi A.A. Izbrannye nauchnye trudy [Selected scientific works]. M.: RUDN, 2012, 647 p. [in Russian].
18. Volodina L.M. Problemy ugovnogo protsesssa: zakon, teoriia, praktika [Problems of criminal procedure: law, theory, practice]. M.: IG «Iurist», 2006, 352 p. [in Russian].
19. Mikheenko M.M. Dokazyvanie v sovetskom ugovnom protsesse [Proving in the Soviet criminal procedure]. Kyiv: Vishcha shkola, 1984, 134 p. [in Russian].
20. Dolya E.A. Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoi deiatel'nosti [Formation of evidence based on the results of operational-search activity]. M.: Prospekt, 2009, 282 p. [in Russian].
21. Zaitseva E.A., Sadovsky A.I. Formirovanie dokazatel'stv s ispol'zovaniem spetsial'nykh poznanii i nauchno-tekhnicheskikh sredstv [Formation of evidence using special knowledge and scientific and technical means]. Volgograd: VA MVD Rossii, 2013, 292 p. [in Russian].
22. Sementsov V.A. Formirovanie dokazatel'stv v strukture ugovno-protsessual'nogo dokazyvaniia [Formation of evidence in the structure of criminal procedural proving]. In: Aktual'nye problemy sovremennogo ugovnogo protsesssa Rossii: mezhvuz. sbornik nauchnykh trudov. Pod red. V.A. Lazarevoi [Topical issues of modern criminal process in Russia: interuniversity collection of research papers. V.A. Lazareva (Ed.)]. Samara: Samarskii gosuniversitet, 2010, pp. 236–242 [in Russian].
23. Sheifer S.A. Sushchnost' i sposoby sobiraniia dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse. Otv. red. P.A. Lupinskaia [Essence and ways of collecting evidence in the Soviet criminal trial. P.A. Lupinskaya (Ed.)]. M.: VYuZ, 1972, 130 p. [in Russian].
24. Kaz Ts.M. Dokazatel'stva v sovetskom ugovnom protsesse [Evidences in the Soviet criminal procedure]. Saratov: Saratovskii gosuniversitet, 1960, 106 p. [in Russian].
25. Kurylev S.V. Osnovy teorii dokazyvaniia v sovetskom pravosudii [Fundamentals of the theory of proof in Soviet justice]. Minsk: Belorusskii gosuniversitet imeni V.I. Lenina, 1969, 202 p. [in Russian].
26. Dorokhov V.Ya. Poniatie dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse [Concept of evidences in the Soviet criminal process]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet State and Law], 1964, no. 9, pp. 108–117 [in Russian].
27. Rossinskiy S.B. Sushchnost' rezul'tatov neverbal'nykh sledstvennykh i sudebnykh deistvii kak dokazatel'stv po ugovnomu delu [Essence of the results of non-verbal investigative and judicial actions as evidences in a criminal case]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2013, no. 9, pp. 16–19 [in Russian].
28. Rossinskiy S.B. Rezul'taty «neverbal'nykh» sledstvennykh i sudebnykh deistvii kak vid dokazatel'stv po ugovnomu delu

[Results of «nonverbal» investigative and judicial actions as a type of evidences in a criminal case]. M.: Iurlitinform, 2015, 224 p. [in Russian].

29. Rossinskiy S.B. Ispol'zovanie rezul'tatov «neverbal'nykh» operativno-rozysknykh meropriyatii v dokazyvanii po ugovnomu delu—ob»ektivnaia neobkhodimost' [Use of the results of «non-verbal» operational-search activities in proving in a criminal case is an objective necessity]. Biblioteka kriminalista [Criminalist's Library], 2015, no. 3(20), pp. 171–184 [in Russian].

30. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki. T. 1 [Course of criminalistics. Vol. 1]. M.: Norma, 1997, 512 p. [in Russian].

31. Belkin R.S. Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatel'stv [Collection, research and evaluation of evidences]. M.: Nauka, 1966, 295 p. [in Russian].

32. Belkin R.S., Vinberg A.I. Kriminalistika i dokazyvanie [Forensic science and proof]. M.: Iurid. lit., 1969, 215 p. [in Russian].

33. Vasilenko V.P. Issledovanie dokazatel'stv na predvaritel'nom sledstvii: avtoref. dis. ... k.i.u.n. [Investigation of evidences in the preliminary investigation: author's abstract of Candidate's of Law thesis]. M.: Akademiia MVD SSSR, 1978, 21 p. [in Russian].

34. Gazetdinov N.I. Realizatsiia printsipov ugovnogo sudoproizvodstva [Implementation of the principles of criminal justice]. M.: Izdatel'skaia gruppa «Jurist», 2007, 432 p. [in Russian].

35. Barshev Ya.I. Osnovaniia ugovnogo sudoproizvodstva s primeneniem k rossiiskomu ugovnomu sudoproizvodstvu [Grounds for criminal proceedings with application to Russian criminal proceedings]. M.: LeksEst, 2001, 240 p. [in Russian].

36. Spasovich V.D. O teorii sudebno-ugolovnykh dokazatel'stv v sviazi s sudoustroistvom i sudoproizvodstvom [On the theory of forensic evidence in connection with the judiciary and judicial proceedings]. M.: LeksEst, 2001, 112 p. [in Russian].

37. Foinitsky I.Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. T. 2 [Course of criminal justice. Vol. 2]. SPb.: Al'fa, 1996, 607 p. [in Russian].

*S.B. Rossinskiy**

ABOUT GATHERING, FORMATION, EXPLORATION AND USE OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS (CONTINUING THE WORK OF PROF. S.A. SCHAFER)

The author of this present article tries to examine the structure (stages) of the working with forensic evidence in the criminal procedure.

Author of this article tries to continue the work of famous Russian scientist, dr. sci. (law), professor S.A. Sheifer – one of the most famous scientists in the field of theory and methodology procedure evidence law of evidence.

The author takes as a basis for methodological approaches to concept and essence of working with forensic evidence in the criminal procedure, which includes informative, objective assurance and argumentation (logical) aspects. The author considers it necessary to complement the classic structure of the working with forensic evidence (picking–inspection–evaluation) the new elements: formation, exploration and use of evidence.

This idea will allow us to reconcile the theory of criminal process and criminalistics.

This will have a positive impact on further improvement of legislation, investigative and judicial practice.

Key words: the working with forensic evidence in the criminal procedure, the collection of the evidence, the formation of the evidence, the examination of the evidence, the revision of the evidence, the logical use of the evidence.

* *Rossinskiy Sergey Borisovich* (s.rossinskiy@gmail.com), Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9, Sadovaya-Kudrinskaya Street, Moscow, 125993, Russian Federation.